тебе, Аксинья, из души скляночку вону. Ить я без бабьева догляду пропадал. Вша с'ела. То, што полагается в гуляй.

Григорий избавившись от лагерного сбора, по ходатайству Евгения Николаевича, работал на покосе, и зревна возил старого пана в станицу, а остальное время ходил с ним на охоту, или ездили за дудаками.

Легкая жизнь его обленила, портила. Он обленился, растолстел и казался старше своих лет. Одно беспокоило его: предстоящая вдова. Не было ни дома, ни скота, а на отца плоха была надежда. Григорий получая за себя и Аксинью жалованье скупился, отказывал себе даже в табаке, надеясь на сколоченные деньги, не кланяясь отцу, купить коня. Обещался и пан помочь.

Его предположения, что отец ничего не даст вскоре подтвердились. Приехал в конце июня Петро проведать брата, в разговоре сказал, что отец гневается на Григория за прежнему и как-то заявил, что не будет справлять строевого коня; пусть дескать, идет в лейтеру казаку.

— Ну, это он пужает, не боюсь. Пойду на службу на своем коне.

— Откель возьмешь? Ваняшишь? — пожелавая уж улыбался Петро.

— Не возьму - так ворошу, а то и украду. Николаич!

— Воров на братуху не плодят.

— На жалованье купишь, — уже серьезно пояснил Григорий.

Петро посидел, расспросил о работе, харчах, жалованье; на все придирчивая, жена обрезанная окамелок ушка и воведав сказал Григорию на прощанье.

— Оружейся с своей пятой.

— С какой своей?

— С этой.

— Покеда думаю, а што.

— Так, с интересу поспрошал.

Григорий вышел его проводить. Спросил напоследок.

— Как там дома?

Петро отвязавая от перила крыльца повод Лошадь, усмехнулся.

— У тебя долов, как у зайца теребов. Ничего, Павел помаленечку. Тятя об тебе скучает. А сенов коже насенебли, три прикладка свершили.

Григорий волнуясь разглаживал старую рваную ковыль на которой трамвал Петро.

— Не перебилась?

— Не, брат, зловая оказалася. Гнедая, энта какую у Христони взяли, отперебилась.

— Што привела?

— Жеребца, брат. Там жеребец - уже хоть! Высокий на ногах, бабки правильная и в грудях... Ко-роший конь будет.

Григорий вздохнул.

— Скучаю по хутору, Петро. По Дону соскучился, жуть